

Шэнь Шаогуан попросила Лю Фэна сесть за маленький столик, а сама села напротив него и попросила А'Юаня подать пахту.

Как только Лю Фэн взглянул на Шэнь Шаогуан, его лицо покраснело, и он быстро отвернулся, чтобы посмотреть на деревянную полировку на столе. "Госпожа хочет мне что-то сказать?"

"Господин, вы знаете о моем жизненном опыте?" мягко спросила Шэнь Шаогуан.

"Я немного услышал от мастера Цзин Цин из женского монастыря Гуанмин".

Шэнь Шаогуан кивнула и представила себе, что сказала Цзин Цин.

"Знатная дама из клана Шэнь в Лояне".

"Несмотря на то, что ее семья находится в упадке и вынуждена содержать себя сама, благотельница Шэнь хорошо разбирается в поэзии и классике, обладает обширными знаниями..."

"Достойна добродетели и благородного характера", "умеренна и кротка" и другие комплименты можно было произносить без колебаний.

Цзин Цин была добросердечной и считала, что Шэнь Шаогуан может стать счастливой обладательницей такого кавалера, как Лю Фэн. Таким образом, она избавит ее от больших забот, и поэтому она должна была сказать для нее бесчисленное количество добрых слов.

"Я лишь временно остаюсь в женском монастыре Гуанмин. Есть некоторые вещи, о которых мастер Цзин Цин не знает". Шэнь Шаогуан объяснила ему, слабо улыбаясь.

"Я родилась в клане Шэнь из Лояна, а этой весной был выпущен из Бокового двора в императорском дворце".

Лю Фэн резко поднял голову. Дочерей аристократических семей обычно отправляли в императорский дворец в качестве наложниц; они редко становились дворцовыми служанками, если только члены их семей не совершили преступление и не были вынуждены попасть в Боковые суды. Поскольку госпожа Шэнь была уволена, это, очевидно, означало, что она не станет императорской наложницей, поэтому она могла быть только...

Шэнь Шаогуан могла сказать, что Лю Фэн понял ее слова. Раз уж он искренне сделал ей предложение, она должна была отплатить ему тем же; было бы невежливо с ее стороны бросить его с враждебными словами о "дискриминации бедных" или "пожинании последствий своих слов". Поэтому Шэнь Шаогуан уже приготовила оправдание, чтобы отклонить его предложение о браке: "В настоящее время я не собираюсь остепеняться. Я просто хочу исполнять свои мечты, зарабатывать деньги, чтобы содержать себя, купить дом цвета сливок..."

И незаметно готовить бесчисленное количество домашней пищи..." Дойдя до конца, Шэнь Шаогуан не смогла сдержаться и разразилась хохотом.

Лю Фэн тоже слегка улыбнулся.

"Это я повел себя непочтительно". После некоторого молчания Лю Фэн встал и протянул руки к Шэнь Шаогуан.

Шэнь Шаогуан тоже встал, торжественно ответил на церемонию взаимностью и с улыбкой сказал: "Это честь для меня".

Лю Фэн облизнул губы, слова застыли на кончике его языка. В конце концов он промолчал и вышел, опустив голову.

Неожиданно он столкнулся в дверях со своим начальником, заместителем магистрата Линем. Он пришел на ужин?

Лю Фэн отсалютовал Линь Яню.

Линь Янь кивнул и вошел в столовую.

"Добро пожаловать! Что бы вы хотели заказать, господин? Как насчет миски куриного супа с лапшой bōtiū, салата из огурцов и куриных почек, обжаренных в креветочной пасте?"

"Хорошо."

Услышав название блюда, о котором сообщила мисс Шэнь, и краткий и исчерпывающий ответ своего начальника, Лю Фэн быстро отбросил свои подозрения. Госпожа Шэнь и заместитель магистрата Линь... это было невозможно.

Лю Фэн догадался, что заместителя магистрата Линь, вероятно, до ночи пытал герцог Чжан из Государственного церемониального суда[1]. После того как его освободили глубокой ночью, заместитель магистрата Линь, должно быть, зашел в гости, чтобы наскоро перекусить и облегчить желудок.

Недавно в императорском дворе появились дипломаты из вассальных государств. Хотя прием дипломатов в основном осуществлял Государственный церемониальный двор, столице необходимо было сотрудничать по многим вопросам, а ответственным за столицу был заместитель магистрата Лин.

Таким образом, эти два ведомства часто контактировали друг с другом.

Лю Фэн имел некоторое представление об этом высокопоставленном чиновнике из Государственного церемониального суда. Слово "дотошный" было бы преуменьшением для герцога Чжана; даже вопрос о конных экипажах должен был быть "обсужден дополнительно". Что последовало дальше: "В <Книге обрядов> говорится... Во времена династии Хань... При втором императоре этой династии... Во время правления императора Гаоцзуна... Когда правил император Сюаньцзун..."

Какая головная боль.

Сегодня днем Лю Фэн отправился на поиски заместителя магистрата Линь, чтобы утвердить официальную переписку. Однако он не смог найти его, потому что заместитель магистрата Линь, по слухам, отправился в Государственный церемониальный суд... Лю Фэн немного посочувствовал молодому начальнику. У людей, занимающих высокие официальные посты, тоже были свои проблемы...

...

Шэнь Шаогуан была немного беспомощна. Почему этот человек всегда приходит поесть в такое время? Все распродано, ясно?

Она могла довольствоваться тем, что осталось. Курицы из глиняного кувшина больше не было, осталось только немного куриного бульона. Шэнь Шаогуан быстро размяла лапшу, положила овощи и сварила суп из курицы с лапшой. Затем она взяла огурец, очистила его от кожуры и разбила на кусочки. Затем она смешала его с нарезанным чесноком, соевой соусом и кунжутным маслом в качестве холодной заправки. И наконец, она достала пару куриных почек, горсть чеснока, ложку креветочной пасты и обжарила все это на сковороде. Все это были быстрые блюда, которые можно было приготовить за короткое время.

Стук ножа по разделочной доске, шипение сковороды... Несмотря на то, что магазин был перестроен и кухни больше не было видно, в этом звуке чувствовалась жизнь.

Линь Янь повернул голову и посмотрел на картину на стене: нарисованная тусклыми чернилами гора, помимо длинного ручья, представляла собой соломенный домик с неполными балками. Возле двери висело знамя, а под знаменем сидел мальчик и чистил головку лотоса. На этой картине не было красок, только тушь и смывка - для контуров и штриховки. В картине не было ничего удивительного, но в ней чувствовалась эрудиция и спокойствие. Хотя на картине не было ни надписи, ни подписи, ни печати, Линь Янь мог сказать, что хозяйка закуской нарисовала ее сама.